

Мужун Цинь быстро схватил его за руку:

— Ладно, не двигайся. Больше не упоминай об этом. Этот ребёнок — случайность. Ты ведь тоже не хотел его, верно? Слушай меня: избавься от него, и мы забудем, как будто ничего не было. Ты ведь любишь меня. Я разрешаю тебе остаться рядом со мной. Разве ты не доволен?

Бай Цинцзю яростно ударил его ногой. Его плечи дрожали, в глазах блестели слёзы. Он снова был готов заплакать.

Мужун Цинь, видя его нежелание, прижал его плечи и гневно закричал:

— Я даже готов терпеть твою измену! Чего ты ещё хочешь!

Бай Цинцзю стиснул зубы, они стучали:

— Не нужно! Уходи!

— Заткнись!

Терпение Мужун Циня, уже и так на пределе после мягких слов, окончательно иссякло. Если бы не жалкий вид Бай Цинцзю, он бы не проявил и капли нежности.

Как так? После измены он должен спокойно простить его? Мужун Цинь уже был вежлив, не отомстив Вэй Чэньюаню на месте.

Этой ночью Мужун Цинь просто хотел вернуть старый ключ, который давно лежал у него. Кто бы мог подумать, что он увидит такое.

Да, он смягчился. Он даже опустился до минимума, готовый принять всё, если только ребёнок исчезнет.

Но Бай Цинцзю не ценил этого, раз за разом отталкивая его. Почему? Я хуже того старика? Я не могу дать тебе столько денег?

Мужун Цинь сорвал с него одежду, прикусив ключицу. Бай Цинцзю резко отпрянул, дрожа от страха:

— Нет! Отпусти меня!

Мужун Цинь схватил его за лодыжку, яростно прижав:

— Ты можешь быть с кем-то другим — почему не можешь со мной? Бай Цинцзю, не притворяйся святым передо мной! Я заплачу тебе больше. Сегодня ты будешь со мной!

Агрессивные действия Мужун Циня были невыносимы. Вскоре Бай Цинцзю оказался в ловушке, полулёжа, без сил сопротивляться. Подобное происходило с ним много раз, и если говорить о страхе — он уже привык.

Он просто беспокоился за ребёнка. Говорят, на ранних сроках беременности нельзя заниматься активными движениями. Особенно такими...

Через пять лет Мужун Цинь насильно овладевал им, но никогда не был так груб. Ребёнок был его умыслом — он знал это.

Но нынешний Мужун Цинь не знал. Такая постыдная ситуация — и никак нельзя объяснить.

Бай Цинцзю всхлипывал, умоляя:

— Мужун Цинь... пожалуйста... не надо.

Мужун Цинь закрыл ему рот, наклонившись:

— Если ты будешь громче — весь дом услышит.

— У-у...

— Терпи. Не плачь.

Бай Цинцзю сжал кулаки. В критический момент тихо прошептал:

— Я могу... я могу сам.

Лучше уж самому, чем сопротивляться и навредить ребёнку. Он хорошо знал, как взаимодействовать с Мужун Цинем.

Мужун Цинь усмехнулся:

— Хорошо. Посмотрим, на что ты способен.

Для Мужун Циня это был их первый раз. Для Бай Цинцзю — бесконечное повторение дней и ночей.

Бай Цинцзю сел, вспомнив, что это тело тоже было впервые. Боль первого раза пугала.

Он уже не знал своего тела, инстинктивно боялся — никак не мог продолжить.

Лицо Мужун Циня было холодным, но глаза горели. Чем больше Бай Цинцзю медлил, тем сильнее разгорался Мужун Цинь.

— Ложись. Дай мне.

— Прости... — Бай Цинцзю тоже не ожидал, что будет так сложно. Переход с высокоскоростного поезда в детский сад был слишком резким.

Пять лет назад Мужун Цинь был в самом расцвете сил, не заботясь о его состоянии. Горячий поток — и Бай Цинцзю чуть не потерял сознание от боли. Тёмная фигура, как демон, пожирающий без остатка.

Сейчас Бай Цинцзю было 23 года. Он только что окончил университет, и в этой квартире он занимался этим с Мужун Цинем. Маленькая комната была тёмной и тесной. Каждый звук был слышен отчётливо. Бай Цинцзю боялся издавать звуки, боялся кричать — только тихо плакал.

Деревянная кровать скрипела. Мужун Цинь в процессе с пренебрежением сказал:

— На этой кровати можно спать?

Ты не только спал, но и наслаждался.

Бай Цинцзю слушал скрип кровати, боясь, что она развалится. Этот звук был... неприличным.

Он думал, что за пять лет его кожа стала толще, но всё равно было стыдно смотреть на Мужун Циня.

Мужун Цинь поднял его:

— Слишком шумно. Сменим место.

Комната была крошечной — куда можно было перейти? В прошлом Бай Цинцзю впервые оказался на десятиметровой кровати в особняке Мужун: мягкой и благоухающей, словно содержанка богача.

А сейчас что? Пространство меньше десяти квадратных метров — как дешёвый ночлег за двести юаней.

Мужун Цинь прижал его в узкой ванной, где даже одному было тесно, не то что двоим. Занавеска была закрыта — дыхание каждого было слышно.

Мужун Цинь сжал его ухо, доведя до красноты:

— Ты выглядишь очень опытным.

Бай Цинцзю не мог отрицать — он знал каждое движение Мужун Циня. Знал, когда лежать, а когда стоять.

Я слишком эгоистичен. Я занимал тебя пять лет и хотел занимать каждую минуту.

Бай Цинцзю также чётко знал: Мужун Цинь с его сильной ревностью не был тем, кто добровольно носил бы рога. Его слова о том, что нужно избавиться от ребёнка и забыть, были лишь временным обманом.

Бай Цинцзю мог только подчиниться, надеясь, что после этой ночи Мужун Цинь насытится и забудет об этом, найдя новую цель.

Если бы не Бай Цинцзю — рядом с Мужун Цинем было бы множество мальчиков: красивее, покладистее и более понимающих.

Ночь была долгой. Бай Цинцзю не знал, сколько времени прошло, не знал — был ли он в сознании или в бреду. Смутно он услышал, как Мужун Цинь сказал:

— Если бы я знал, что так будет — я бы съел тебя тогда.

—————

Во сне Бай Цинцзю вернулся в день выпускного. Мужун Цинь окончил университет на два года раньше и, став членом совета директоров сразу после окончания, естественно, присутствовал на церемонии.

Казалось, это было совсем недавно, но Бай Цинцзю чувствовал, что это было так далеко. Если не думать об этом — он бы никогда не вспомнил этот день.

В тот вечер все выпили. Шэнь Чжо набрался смелости и попросил номер телефона у Мо Яньчэня. Бай Цинцзю собрал свои краски и кисти, шатаясь, шёл по дороге, когда неожиданно столкнулся с кем-то — краска размазалась по его одежде.

— Простите, — Бай Цинцзю попытался стереть, но только размазал ещё больше.

— Ох, что же делать?

Мужчина выглядел раздражённым, снял пиджак:

— Ладно, выброшу.

— Нет, нельзя! — Бай Цинцзю схватил его за руку:

— Выбрасывать жалко. Я постираю, обещаю — будет как новое.

— Не подходи ко мне!

Бай Цинцзю замер, поднял глаза. Долго смотрел на него, наконец прошептал:

— Мужун... сэмпай.

Мужун Цинь посмотрел на него:

— Ты брат Ся Юя.

— Да, да! Меня зовут Бай Цинцзю. Я участвовал с тобой в дебатах, я помогал тебе, я... я подал заявку на твою стипендию...

Бай Цинцзю никогда не был таким болтливым, рассказывая обо всём, что знал о нём. Но тот даже не вспоминал.

— Прости... Я просто... художник. И мы такие разные... я никогда не догоню тебя.

Мужун Цинь нахмурился:

— Художник?

— Да! — Бай Цинцзю схватил его за руку, настойчиво ведя к галерее:

— Смотри! Это я нарисовал. Тебе нравится? Хочешь — я подарю тебе.

Мужун Цинь замер. Картина называлась «Одинокий лунный свет». Оказывается, те картины, что он видел в мастерской, были нарисованы этим незаметным сумасшедшим.

Бай Цинцзю грустно сказал:

— Я забыл... эта картина заняла третье место на конкурсе. Я не могу подарить её тебе. На самом деле... я хотел подарить её тебе. Я думал, ты повесишь её на стену, в самое видное место... чтобы каждый день смотреть на неё. Жаль, что не получилось.

Мужун Цинь улыбнулся — что было редкостью:

— Я могу.

— А?

— Сумасшедший, не держи меня. Я занят.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16396/1485010>